

Наталья Нестерова

Отпуск по уходу

Текст предоставлен издательством АСТ
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152886
Отпуск по уходу/ Нестерова Н.: АСТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-065351-5, 978-5-271-26866-3

Аннотация

Марина, любимая девушка Андрея Доброкладова, уехала в командировку. Ни встреч, ни обязательств, ни аврала на работе – свобода! Но не удалось Андрею насладиться чудесным подарком судьбы. Отдых был грубо прерван вторжением незнакомого гражданина с младенцем на руках. Визитер с порога объявил, что ребенок – его, Андрея, сын и наследник! И отбыл в неизвестном направлении, не слушая криков протеста. Хорошенький отдых! Теперь Андрею предстоит найти мать малыша, разобраться с родственниками-самозванцами, объяснить дикую ситуацию невесте, а главное... что же все-таки делать с плачущим ребенком?

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Нестерова

Отпуск по уходу

Часть первая

У кого детки, у того и бедки

Глава 1

Хорошенькое начало

Марина, любимая девушка Андрея Доброкладова, уехала в командировку. Поэтому вечер пятницы он провел в мужской компании. Засиделись в пивном ресторане и разошлись после полуночи. Утром следующего дня Андрей блаженно отсыпался. А когда проснулся и прислушался к голове – не болит, – порадовался. Хорошо, что ограничились пивом, не перешли к крепким напиткам.

Суббота полностью принадлежала ему. Ни встреч, ни обязательств, ни аврала на работе, Маринка в отъезде – свобода! Когда в постоянной гонке и суматохе выпадает день-пустышка, выходной в абсолютном смысле, – это подарок! Много подобных подарков Андрей бы не выдержал, почувствовал себя отброшенным на обочину жизни, заскулил от тоски. Но изредка побаловаться ничегонеделаньем чрезвычайно приятно.

Как будем улаживать наши бесценные величества – усталую душу и мускулистое тело (легкий жирок, накопившийся к тридцати годам, – не в счет и почти не заметен)? Во-первых, не бреемся, душ не принимаем, зубы чистим, если к тому возникнет непреодолимая тяга. Форма одежды – халат. Толстый, теплый, троекуровский, как говорит Маринка. Троекуров из какого произведения? «Дубровский» Пушкина, кажется. Повесть, роман? Какая разница? Все равно из школьного курса литературы помнится не сюжет, а потешная фраза, якобы из ученического сочинения: «Дубровский и Маша общались через дупло».

«Через дупло, через дупло...» – насвистывал Андрей, облачаясь в халат. Что у нас во-вторых? Персональный, одиноличный, обильный и вкусный обед. Роскошный стейк, купленный вчера в супермаркете. Некоторые несознательные граждане называют стейком отбивные из свинины или баранины. Позор на их головы! Стейк, господа, это только говядина! Исключительно она, родимая, добытая из бычка, выращенного на зеленых лугах, особым образом выдержанная! Андрей достал из холодильника белый лоточек, на котором под пленкой покоился аппетитный кусок мяса. Маринка, владеющая тремя языками в совершенстве, разъезжающая по англиям и прочим америкам, про такой говорила с характерными для английского подвывающими интонациями: ти-бон стейк. Что в переводе на родную речь означает: говяжий бифштекс на т-образной кости.

«Ти-бон, бон, бон...» – перешел на новую мелодию Андрей. Гарнир? Жареный картофель. Какой русский не любит жареной картошки? Только тот, кто не наслаждается быстрой ездой. Это тоже литературное. Кажется, Гоголь: какой же русский не любит быстрой езды? Что-то меня сегодня на классику тянет. Поэтому, в-третьих, организуем культурную программу. Нет, книг читать не станем. Кино. Важнейшее из искусств, как сказал великий Ленин. «Сколько в моей голове мусора хранится», ухмыльнулся Андрей.

Итак, кино по DVD-плееру. Два новых американских боевика, французская комедия, а окажутся они ерундой – поставим старые, добрые, беспроектные картины. «Чужих», чтобы в десятый раз восхититься безупречностью спецэффектов. «Белое солнце пустыни»,

если потянет на патристическое, обновим сборник цитат. «Мой друг Иван Лапшин», если появится философское настроение. А то и вообще устроим погружение в славное наивное прошлое – посмотрим подряд все серии «Семнадцати мгновений весны». Хороший старый фильм отличается от удовлетворительного нового тем, что в старом ты обязательно увидишь нечто пропущенное. Двадцатый раз смотришь, наизусть знаешь, а чувство новизны обеспечено. И оно дарит состояние сродни тому, которое бывает, когда в самом себе обнаруживаешь кладезь добродетели. Смотрел картину, а восхитился собой любимым. Диалектика, однако!

А почему только картошка на гарнир? Маловато будет. Кто нам запрещает сделать салат из свежих овощей и открыть баночку с грибами? Маринованные грибы требуют рюмку водки. Андрей прислушался к себе: нет, пить не хочется. Но рюмочка перед обедом, под маринованный масленок, который, упругий подлец, бегаёт по тарелке, выскальзывает из-под вилки, – это святое.

Купить правильный стейк – мало, надо уметь его приготовить. Женщины, убежден Андрей, с мясом обращаться не умеют. Они его жарят на слабом огне, из-за чего вытекают соки и потом булькают на сковородке болотной жижей, тушат до ватной мягкости, и в результате мы получаем мясную мочалку, одинаково убогую, будь она приготовлена из перемороженной старой говядины или из парной телятины.

Милые дамы, вы никогда не охотились на мамонта, не жарили на вертеле дикого вепря или нежного олененка, отойдите в сторону от огня! Займитесь выделыванием шкур или расшивайте бисером мой новый охотничий камзол. Уж на что Маринка продвинутая девушка, а готовить стейки у нее не получается. То сковородку не нагреет до нужной температуры, то перевернуть мясо забудет. А в идеале оно должно иметь с обеих сторон тонкую корочку в миллиметр, далее прожаренную светлую часть, и в центре розовую полосочку сырого мяса. Уй, слюнки текут только от мыслей о сочной отбивной, классически прожаренной на три четверти.

Но мы торопиться не будем. Сначала почистим картофель и бросим его на сковороду. Потом вымоем и нашинкуем овощи для салата, заправим оливковым маслом, смешанным с соком лимона...

Андрей напевал марш тореадора из оперы «Кармен», мелодия отлично подходила к его настроению – предвкушению персонального праздника. На журнальном столике в большой комнате он расстелил салфетку, принес салат, грибы, хлеб и столовые приборы, вставил в приемник DVD-плеера диск с фильмом. Чтоб уж до тонкостей соблюсти декорации, перелил водку из бутылки, вынутой из морозильника, в маленький хрустальный графин. Рюмка и мгновенно запотевший графин отлично смотрелись на изысканном полотне под названием «обед холостяка-гурмана».

А вот теперь и главное таинство – приготовление стейка. Все рассчитано по секундам. Выкладываем на большую и непременно подогретую тарелку картофель, когда мясо, схватившееся с одной стороны, переворачиваем. Марш тореадора (трам-там-та-там!) в исполнении Андрея зазвучал в полную жизнерадостную мощь...

Буквально за секунду до того, как он собирался выключить газ под картошкой и перевернуть мясо, раздался звонок домофона. Ангел-хранитель шепнул Андрею на ухо: «Не отвечай!» Но предостережение не было услышано из-за бравурных «тореадоров» и шума вытяжного вентилятора над плитой.

– Андрей? – спросил мужской голос. – Это мы. Открывай.

Пока его рука поднималась, чтобы нажать кнопку и открыть дверь парадного, он успел пережить досаду и справиться с ней. Прощай, спокойный одинокий обед. Прибыли друзья, вчерашнего им не хватило, требуется продолжение банкета. Стейк останется несъеденным, потому что персонально жевать его неудобно, да и друзья наверняка тащат прорву пива и закусок. Что поделаешь? Человек – животное социальное, надо общаться. Человеческое

общение – лучшее из богатств. Кто это сказал? Не тот ли, кто заявил: невозможно жить в обществе и быть свободным от общества.

«Утро сплошных цитат», – подумал Андрей и пошел открывать дверь квартиры, в которую уже звонили.

Но за порогом стояли не ребята, груженные снедью для мужской пирушки, а незнакомый дядька в зимней остроугольной нутриевой шапке. Лица не видно, потому что держит одной рукой поперек талии ребенка. Малыш закован в стеганый комбинезон, руки параллельно полу, ноги в стороны – напоминает уменьшенную копию космонавта в скафандре, парящего в космосе. В другой руке у мужика большая дорожная сумка. Андрей не успел сказать, мол, ошиблись дверью, как незванный гость двинул решительно вперед, вынудив Андрея посторониться.

– Здорово! Ну, мать моя женщина! Взопреп как мерин, пока от метро допер. Где разгружаться?

– Послушайте, вы...

Но мужик не слушал, топал по квартире.

– Ага, вот комната. Слава богу, прибыли.

Не преодолев растерянность первых минут наглого вторжения, Андрей наблюдал, как посторонний человек распоряжается в его квартире. Мужик свалил ребенка на его тахту (постельное белье не убрано и не собиралось убираться по случаю субботнего расслабления), бухнул сумку на пол, снял шапку, вытер потный лоб и признался:

– Чуть живой. Сердце рвется от нагрузки и страданий.

– Вы ошиблись дверью.

– Не может быть! Короленко, дом один, квартира семнадцать?

– Да, но...

– Ты Андрей Сергеевич Доброкладов?

– Я.

– А это, значит, – мужик показал на ребенка, – твой сын Петька... в смысле наследник и все остальное.

– Сын? – не то пробулькал, не то прокаркал Андрей.

И устался на малыша, лежавшего навзничь на смятой постели, по-прежнему закованного в космический скафандр. Ребенок не спал. Пухлое личико, обрамленное капюшоном, нос пипочкой, пара маленьких карих глаз, смотрящих выжидательно и терпеливо.

– Извини, старик, но это не мой. Детишками пока не обзавелся.

– Ты не в курсе. Ленка, шалава, а не девка, родная дочка одномоментно, по старому говоря, принесла в подоле...

Далее последовал рассказ, из которого можно было понять, что дочь этого мужика Ленка (вертихвостка, дурында, кикимора, смазливая пигалица) хотела поймать на крючок какого-то богача (старого пня, крокодила, олигарха долбаного) с помощью беременности. Но рожать от кого ни попадя, то есть от лысого старого пузатого олигарха, Ленка не желала. И выбрала из надежды на доброе семя его, Андрея, в качестве генофонда. В простонародной речи мудреное «генофонд» было неуместно и резало слух.

«Плохо подготовился, дружок!» – подумал Андрей и широко улыбнулся. Еще на середине сбивчивого монолога он догадался о природе этого представления. У одного из приятелей Андрея – из тех, с кем вчера вместе в ресторане сидели, – жена работала на телевидении. И обязанность ее заключалась в том, чтобы подбирать для передачи героев как бы натуральных, а на самом деле липовых. Самодеятельные артисты за малую плату изображали мужаревнильца, мать-одиночку или вредного пенсионера, терроризирующего весь подъезд, или тайного печального гомосексуалиста, или промышляющую мелкими кражами слащавую бабульку. Самое поразительное – играл народ (по основной профессии пекари

да слесари) настолько правдоподобно, что мало кто догадывался о подлоге. Станиславский, оплакивая свою систему, должен крутиться в гробу, как уж на сковородке, а ректоры театральных вузов от досады обязаны в стенаниях сгрызть ногти. Ни системы, ни пятилетнего обучения, кто попало изображает правду жизни так, что зрители прилипают к экрану телевизора, не оттащишь.

Нередко у жены приятеля случались авралы – съемки завтра, а типажа нет. И начинались телефонные уговоры (собственные соседи, родственники, их соседи и их родственники давно отработаны): помогите найти того, кто согласится изображать недотепу-интеллектуала или секс-бомбу районного масштаба. Конечно, помогали. Забавно, что тупого мачо-громилу представлял тишайший программист двухметрового роста, весом в полтора центнера, у которого в голове суперкомпьютер, а девушку легкого поведения играла кандидат искусствоведения, специалист по древне-японской живописи. На что не толкнет человеческая взаимовыручка, превращаясь в телевизионное приключение и падая в копилку забавных опытов, рассказ о которых украсит любое застолье.

И вот теперь друзья решили разыграть его, Андрея, с помощью самодеятельного артиста и чужого младенца. Вполне в их духе, розыгрыши ребята обожали.

Продолжая улыбаться, Андрей похлопал в ладоши:

– Браво! Спектакль почти удался. В первом акте я порядочно струхнул. А где пацаны? Под дверью ожидают?

– Какие пацаны? – удивился его аплодисментам и речам мужик. – У нас только один парень, Петька. – Он снова показал на ребенка. – Мы с матерью, то есть с бабушкой, в смысле моей женой, не собирались тебя привлекать. Сами бы внучика на ноги подняли. Да вот горе, захворала моя старуха, в больницу забрали, врачи говорят, в любой момент ждите...

На его глаза навернулись вполне натуральные слезы. Мужик зашмыгал носом, вытер ладонью щеки, отлично изображая смущение, вызванное минутной слабостью.

– Да перестаньте вы! Я же сказал: розыгрыш удался, вы честно заработали гонорар, зовите ребят и верните ребенка родителям. Как они не побоялись малыша отдать в чужие руки?

– Ты и есть родитель, а я дедушка. Не справиться мне одному с Петькой, но буду всячески помогать. А Ленка, лахудра гулящая, в Германию три месяца назад укатила, пляшет там в каком-то ресторане, трясет ляжками. Ни дня Петьку не кормила, искусственник парень, но вес хорошо набирал. Я тебе тут на первое время, – он показал на сумку, – несколько коробок смеси принес. А еще Петькину одежонку, бутылочки и прочее приданое...

– Послушайте! Меня это начинает утомлять. Должна быть, в конце концов, мера. Заканчивайте представление художественной самодеятельности и до свидания.

– Ты это в смысле, что не признаешь Петьку?

– Естественно!

– Имеются данные.

Мужик наклонился, расстегнул молнию на сумке, вытащил пластиковую папку. Протянул ее Андрею, но тот и не подумал брать. Тогда мужик стал вынимать из папки документы и складывать их на столик:

– Вот, значит, Петькино свидетельство о рождении, тут ты четко записан как отец. Вот паспорт твой. Это, – потряс в воздухе листочками, исписанными корявым почерком, – я инструкции составил, как жена продиктовала по Петькиному режиму и кормлению. А также наш адрес и телефоны. Только сейчас бесполезно звонить, я у жены в больнице буду... до последнего... – Он опять шмыгнул носом, удерживая слезы. – Господи, за какие грехи ты меня наказываешь?

– Хватит паясничать! – гаркнул Андрей.

Но мужик его не слушал, достал из папки последнее – несколько фото.

– Вот тут ты с Ленкой, в натуре. Похож. Скажешь, не ты?

Андрей невольно шагнул к столику. Паспорт – ничего удивительного. Года полтора-два назад он терял паспорт, получил новый. Фото. Себя он узнал сразу, а девушку, яркую блондинку с пышной гривой, – только после подсказки:

– Ленка в кордебалете в ночном клубе плясала. Думали, балериной станет, на танцы в детстве водили, а она по кривой дорожке пошла, ноги перед всякой пьянью задирает.

Да, была у него интрижка с этой девицей. Познакомились в клубе, он был сильно под шафе, привез балерину домой. Она еще пару-тройку раз навевалась с практической целью совокупления, которое не доставило Андрею большого удовольствия, но и отвращения не вызвало. Потом девица сгинула, избавив его от необходимости показывать ей на дверь. Вскоре он познакомился с Маринкой и впервые в жизни стал задумываться над тем, что пора остепениться, заводить семью. Лучше Маринки, красивой, умной, практичной, жены не сыскать.

Дожив до тридцати лет, Андрей не монашествовал. Девушек у него перебивало множество. Если каждой вздумается объявлять его отцом своих чад, то наберется целый детский сад или несколько классов начальной школы. Извините, милые, не на того напали! Он так и сказал «дедушке»:

– В гробу я видел эти фото и документы! Паспорт был утерян, о чем есть справка из милиции. Завтра по этому паспорту кто-нибудь стащит миллион долларов или возьмет кредит. И что? Мне выплачивать?

– Говорю же тебе: от безысходности пришел, Петьку от себя отрывать... точно с кровью. Ленка звонила: неси, мол, отцу, то есть тебе, Андрею. Сама она приехать не может, так как контракт. Стерва, а не дочка, прости господи!

– Меня ваши семейные дела не интересуют!

– Горим!

– Ничем помочь не могу.

– Горит что-то у тебя, – потянул носом воздух «дедушка».

И Андрей, услышав запах гари, бросился на кухню.

С двух сковород трубой валил темный дым. Картошка обуглилась, а драгоценный стейк, которому он все утро пел осанну, превратился в черную подошву. Андрей выругался, схватил одну сковороду и сунул ее под кран с холодной водой. Только хуже сделал. Зашипело, засвистело, дым из сизого превратился в белый и в десять раз увеличил мощность выброса. Вытяжка над плитой надсадно выла, но не справлялась с задымлением. В кухне не было видно ни зги. Андрей надсадно кашлял, пробираясь в тумане к окну, попутно задевая табуретки и ударяясь о край стола...

Глава 2

Памперс – не фунт изюма

Открыв форточку и убедившись, что сковородки почти не дымят, Андрей вернулся в комнату. Мужика не было, а ребенок остался, лежал навзничь с закрытыми глазами, спал. Шутки кончились. Да и не шутки это были вовсе.

– Врете! Не дамся! – Андрей бросился из квартиры.

Выскочил на площадку, перегнулся через перила, закричал в колодез лестничных пролетов:

– Мужик! Стой, сволочь! Как тебя? Дедушка, вернись по-хорошему! Гад! Забери ребенка!

Ответом было только эхо. Да еще этажом ниже хлопнула дверь, в пролете показалась задранная кверху голова соседки:

– У вас что-то случилось?

– А-а-а-а! – испуганно кричал Андрей, разворачивался и летел в сторону своей квартиры, невероятно выкрутив тело.

Успел. Врезался плечом в косяк, но успел просунуть ногу, не дал двери закрыться. Повезло, что, когда орал в пролет, увидел боковым зрением: дверь его квартиры медленно закрывается, толкаемая сквозняком. Если бы захлопнулась, Андрей имел бы печальный вид и массу проблем. Квартиру он купил у пенсионера, который либо ценной коллекцией обладал, либо просто свихнулся на почве страха перед ограблением. Потому что дверь была из танковой брони и с пятью мощными замками. Захлопнись она, пришлось бы МЧС вызывать с автогенном. Или мчаться на работу, где в сейфе лежат запасные ключи. В халате и комнатных тапках на босу ногу при двадцатиградусном морозе он бы смотрелся отлично, голосуя на улице, останавливая такси. А в квартире еще и ребенок.

Ребенок! Избавиться от него немедленно, быстро и безоговорочно. Куда сдают ничейных детей? Допустим, в милицию. Придет он с дитем в отделение и что скажет? Заберите пацана, вот его документы. А по липовым документам он, Андрей, и есть отец. Не возьмут, как пить дать. Надо доказать, что я к мальцу никакого отношения не имею. Каким образом? С помощью генетической экспертизы. Берите мои гены и быстренько выдайте справку о моей полной непричастности. Кто «берите»? Где анализ ДНК делают? Черт, сегодня суббота, завтра воскресенье – наверняка по выходным не работают. Справка откладывается, а от ребенка надо избавляться срочно.

Может, подбросить его соседям? У них своих трое, как-нибудь разберутся. Без документов, подкидыш он и есть подкидыш. А если потом выяснится, что это Андрей им свинью, то есть ребенка, подложил? Стыда не оберешься. Да и не чувствовал себя Андрей способным положить на коврик перед чужой дверью, точно приبلудного котенка или щенка, ни в чем не повинного младенца.

Зайдем с другой стороны. Ребенок не бесхозный, правильно? У него есть дед (сволочь!) с бабкой и мамаша. Андрей на цыпочках вошел в комнату, взял бумажки со стола и выскользнул. Принялся читать. Ага, телефоны и адреса указаны.

Старательным, но корявым почерком было написано: «Коломийцев Семен Алексеевич – дедушка, Коломийцева Татьяна Петровна – бабушка, проживаем на ул. Гурьевской д. 12, кв. 7, тел...»

По указанному номеру никто не отвечал, хотя Андрей, тихо матерясь, минуты три слушал, как идет вызов. Мимо! Кажется, дед говорил, что дома его не будет, что в больницу к бабушке отправляется.

– Я вас из-под земли достану! – пригрозил Андрей телефонной трубке и снова взял листок.

«Коломийцева Елена Семеновна – мать (слово вызвало у Андрея длинную и нецензурную тираду), проживает в Германии, тел. 8-10...»

Он был настолько взбешен, что путался, набирая длинный номер. Несколько раз ошибаясь, ему отвечали по-немецки, он требовал к телефону Лену Коломийцеву, на том конце переспрашивали и твердили что-то на непонятном языке. На маленьком экранчике телефонного аппарата высвечивались цифры набора, Андрей понимал, что перепутал их, в сердцах орал в микрофон единственные фразы, которые знал по-немецки: «Хенде хох!» и «Гитлер капут!» Сойдут ли они за извинение, Андрея не волновало.

«Спокойно! – приказал он себе. – Набираем четко: восемь, гудок, десять...»

Его старания увенчались успехом.

– Аллѐ-о! – ответил жеманный девичий голос.

– Лена? Лена Коломийцева?

– Да-а.

– Слушай, мать-героиня! Немедленно организуй, чтобы от меня вынесли твоего ребенка!

– Андрюша?

– Со мной фокус не пройдет! Ищи другого лоха!

– Ой, ты расстроился?

Эта дура еще смела удивляться!

– Вне себя! – заверил Андрей.

Он узнал по голосу Лену-балерину и вспомнил свое о ней мнение – на редкость пусто-головая девица. Смазливая, очень пластичная и плавная, будто руки-ноги без костей, и абсолютно! клинически! совершенно глупая! Если бы не рассуждала со знанием дела о тряпках и шоу-бизнесе, можно было бы смело записывать в умственно отсталые. Когда скоротечно растворилось очарование ее телом, Андрей давился от зевоты и скуки. А теперь она разговаривает так, словно они расстались вчера, будто их связь была не мимолетным эпизодом, о котором он давно забыл, а прочными узами.

– Андрюшенька! Не надо волноваться! А знаешь, как мне сейчас тяжело? Папа говорит, что мама заболела, а я приехать не могу, потому что контракт...

– Иди ты со своими папой, мамой и контрактом знаешь куда?

– Не нервничай. Петя у тебя временно. Все-таки ты отец и должен помогать.

– Я не отец! – взревел Андрей. – Подам на генетическую экспертизу, и она докажет...

– Подавай, – спокойно перебила Лена.

От ее спокойствия Андрей похолодел, мурашки по спине побежали. А Лена продолжала трещать как ни в чем не бывало:

– Я Петеньке такие симпатичные костюмчики купила! Просто на куколку! А Петя в зимнем комбинезончике? Правда, славненький? Это я прислала. И еще хочу ему джинсики и кепочки купить, когда скидки будут. Уже присмотрела – маленькие-маленькие, а как настоящие. Прелесть!

– Лена! – Он постарался обуздать клокочущую ярость и говорить медленно и внятно. – Я не могу принять твоего ребенка, не могу свою жизнь отправить коту под хвост.

– При чем здесь кот и хвост? И мне не сладко пришлось. Нашего ребеночка выносила и родила. А как трудно было его зарегистрировать, получить свидетельство о рождении, имея только твой паспорт на руках. Взятки пришлось давать.

Подобная наглость даже для тупоголовой Лены – слишком! Требовать сочувствия в афере, которую провернула за его спиной, незаконно выставила его отцом чужого отродья! Андрей от возмущения потерял дар речи.

– А Петя сосет пустышки? – как ни в чем не бывало спрашивала Лена. – Здесь такие забавные есть, в виде бабочек и гномиков...

– Сама ты! – сорвался Андрей. – Бабочка и пустышка! Чтобы через полчаса этого Петьки в моей квартире не было!

– Ой, не могу больше говорить, – быстро зашептала Лена. – Я сейчас в гримерке, десять минут до выступления. Поцелуй нашего сынишку!

– Сама поцелуй! – заорал Андрей и выпалил с детства забытую присказку: – Поцелуй кобылу в зад!

Но вопил он напрасно, Лена его, скорее всего, не услышала, отключилась, о чем свидетельствовали короткие гудки.

Крики Андрея разбудили ребенка или сам он проснулся, но следующий час был самым кошмарным за всю тридцатилетнюю жизнь Андрея. Он потерял столько нервных клеток, сколько сгорело бы в десятке служебных конфликтов или на зрительской трибуне в сотне футбольных матчей, в которых наши бездарно проигрывали.

Вначале, когда Андрей вошел в комнату, ребенок хныкал, морщился и подрагивал конечностями, закованными в мамочкин комбинезон. Потом младенец скукислся, покраснел и душераздирающе заплакал. В третьем действии он вопил, захлебывался, кашлял – так, точно собрался помирать. Определенно – помирать, потому что человеческая глотка маленького существа могла издавать подобные звуки только в последний час. Женские слезы, коих Андрей не переносил, были легким щекотанием нервов по сравнению с этой истерикой, агонией беспомощного крохотного пацаненка.

Дурак-дураком, склонившись над младенцем, боясь до него дотронуться, Андрей твердил:

– Что ты? Чего ты? Помолчи, а? Тебе жарко? Холодно? Есть хочешь? Замолчи, как человека тебя прошу! Гули-гули! Дьявол! Я сейчас рехнусь!

Хотелось немедленно прекратить эту пытку. Как вытащить спицы, которые неожиданно загнали тебе в уши. Вырвал – и дело с концом. Накрыть маленький орущий рот подушкой – и наступит блаженная тишина. И в то же время из груди с щемящей болью рвалось сердце, было готово выскочить и оказаться в руках младенца игрушкой, погремушкой, которая успокоит и утешит. Ведь как убивается мелкий!

Андрея прошиб холодный пот. Руки дрожали, он не замечал, что идиотски пританцовывает перед диваном, несет околесицу и сам готов расплакаться. А ребенок орал. Краснел, синел, поперхивался, когда крик переходил на совсем уж ультразвуковые частоты.

Жизнь Андрея миловала и обносила младенцами стороной. Он не то что не умел с ними обращаться – на руки никогда не брал! Ближайшие карапузы – дети двоюродной сестры Ольги, младшему год, старшему три. Когда Андрей приходил к ним в гости, издавдала показывал племяншам козу. Дарил подарки и считал свою миссию двоюродного дядюшки выполненной.

С тихим скулением, неслышным в истошном детском вое, Андрей наклонился и взял младенца под мышки, оторвал от постели, разогнулся и, держа «космонавта» на вытянутых руках, легонько встряхнул:

– Тихо! Спокойно! Не помирай! Как тебя? Петя? Петя-Петя-Петушок! – дурным голосом заблеял Андрей. – Масляна коровушка, то есть головушка... Как там дальше? Ваша мама пришла, молочка принесла... Чтоб твоя мама сдохла! Ну, хватит! Поревел, и будет. Вот, молодец, Петя!

Но ребенок замолк лишь на несколько секунд. Всхлипнул громко, по-взрослому, к чему-то прислушался и снова заорал. Ладонями, через ватную синтетику комбинезона, Андрей чувствовал горячее маленькое тельце. Слишком горячее.

– Возпрел, казак?

Андрей положил малыша обратно и стал расстегивать «скафандр». Элементарное действие, которое родители совершают по несколько раз в день – вытащить ребенка из уличной одежды, – далось Андрею с большим трудом. Пот лил градом, казалось, что, высвобождая руки и ноги ребенка, он обязательно что-нибудь сломает. Тем более что Петька не только не помогал – всячески мешал процессу, орал и извивался.

Ребенок под «скафандром» оказался одет в конструкцию, напоминавшую нижнее мужское белье прошлых веков. Теплая рубаша и кальсоны как одно целое, впереди от ворота до паха застежка на пуговицах. Кажется, это называют ползунки. Или пеленки? Нет, пеленки – как портянки, тряпки.

В области трусов под ползунками что-то топорщилось. Памперсы, сообразил Андрей. Он имел о них смутное представление, почерпнутое из телевизионной рекламы. Трусы на вате, поглощающей жидкость.

– Сменить памперс? – спросил Андрей малыша.

Тот продолжал орать.

– Сменить, – решил Андрей.

Лучше бы он этого не делал! Не расстегивал детские кальсоны, не стаскивал с ног Петьки набухшую белую конструкцию, оказавшуюся внутри заполненной кишечным содержимым (а что впитывается, сволочи?) и отчаянно вонявшую...

Через минуту в радиусе полутора метров все оказалось измазанным детскими какашками. Все! Простыня, пододеяльник и подушка (только вчера менял белье), сам младенец – до ушей, потому что энергично уползал из-под рук Андрея, любимый троекуровский халат – на рукавах и животе, потому что приходилось наваливаться на корчащегося ребенка, одной рукой удерживать, а другой искать в «дедушкиной» сумке чистый памперс. И еще разобратся в устройстве этого чуда цивилизации! Оно имело форму разрезанных по боковым швам трусов с липучками-застежками. Очевидно – перед и зад, картинка с идиотским зайцем – предположительно впереди, но это уже изыск. Носите, что дают!

Переодев ребенка, Андрей испытывал усталость, как после колки машины дров или после тридцатикилометрового лыжного кросса. Помощь! Срочно нужна квалифицированная помощь. Пусть Петька, обложенный запачканным одеялом и подушками (чтобы не уполз и не свалился на пол), орущий на последнем издыхании (а я уже почти привык к твоим воплям!), немного полежит в одиночестве, пока не прибудет служба спасения.

Кинув взгляд на младенца и убедившись, что тот забаррикадирован на совесть и точно не свалится, Андрей поплелся в другую комнату, к телефону.

Сотовый телефон двоюродной сестры Ольги ответил после седьмого гудка.

– Оленька! Выручай! Я весь в дерьме, и у меня ребенок.

– Андрейка? Что случилось?

– Умоляю – срочно приезжай!

– Я в парикмахерской, меня сейчас красить будут. Что произошло?

– Не надо краситься! Мчись ко мне, ладно? Или я погибну, или это отродье, или мы вместе.

– Ничего не понимаю!

– Понимания не требуется, просто лети ко мне на всех парусах. Спасай!

– Андрей! Ты трезвый?

– Как стеклышко.

Он посмотрел на столик с графинчиком водки, рюмкой и столовыми приборами, чуть не завыл от тоски: счастье было так близко! Сейчас приготовления к «обеду холостяка-гурмана» выглядели полнейшим издевательством.

– Андрюша, я за месяц записывалась в этот салон.

– У тебя салон, а у меня полнейший завал! Или ты мне сестра, или завтра вынимайте из петли!

Он, конечно, преувеличил степень своего расстройства. Сработал давно закрепившийся рефлекс: чем несуразнее накал страстей, тем легче женщины в него верят.

Глава 3

Пюре без тыквы

До приезда сестры Андрей носил младенца на руках. Перепробовал несколько поз – горизонтальных и вертикальных. Маленький ребенок оказался не таким уж слабенкиным, вырывался и корчился будь здоров, приходилось применять силу. И подавлять собственное желание схватить его за ноги и треснуть головой о стенку, чтобы замолк.

В квартире все еще витал дым, из открытой на кухне форточки несло холодом. Петька, вспотевший от крика, мог легко простудиться. Но всовывать его обратно в комбинезон Андрей не решился, определенно сломал бы ребенку хребет. Упаковал младенца в одеяло – закатал в трубочку, как в кино заворачивают в ковер нехоти возникший труп.

Детей укачивают. Следовательно, совершают с ними плавные возвратно-поступательные движения. Чихал Петька на плавные движения, то есть совершенно не реагировал. И Андрей стал его активно трясти. Вдруг у малыша голова оторвется? Когда отсоединяется голова, так не орут. Перекинул мальчика на плечо и затряс с новой силой. Нет, ну сколько можно вопить? Есть предел его легким и глотке?

Петька умолк, когда Андрей перешел на прыжки на месте, рассудив, что если будет вибрировать слитно с ребенком, то по законам соединения материалов голова ребенка вряд ли отскочит. Высокие прыжки сменились на мелкие, для надежности и закрепления эффекта Андрей маршировал на месте до прихода сестры.

– Привет! – шепотом поздоровался он с Ольгой. – Раздевайся скорее! Забери у меня его! – скривив губу, показал на куль, который держал.

– А что это? – также шепотом спросила Ольга.

– Не что, а кто. Черт его знает! Бери! – передал сестре ношу и стряхнул уставшие, затекшие руки.

Растерянная Ольга неловко приняла младенца, и он проскользнул по кокону одеяла вниз. Андрей успел подхватить ребенка у самого пола, Ольга тащила одеяло, путалась в нем.

– Дьявол! – выругался Андрей, поднимая малыша и удерживая его на вытянутых руках. – Сейчас он опять начнет орать.

– Ребенок, – констатировала Ольга, будто Андрей сам не знал. – Чей?

– Не знаю. Фиктивно – мой.

– А почему он весь в какашках?

– Не только он. За какой-нибудь час это создание умудрилось обгадить мне полквартиры. Смотри, кривится. Сейчас заплачет. Забери его от греха!

Ольга послушно взяла ребенка и принялась с ним сюсюкаться как с родным. Она разговаривала с Петькой тем приторным до дебильности голосом, который проклевывается у женщин, когда они видят детей, когда у них пропадает разум и остаются только инстинкты. Каждое предложение у Ольги начиналось с умильного «А...»:

– А кто у нас такой чумазенький? А кто плакать хочет? А мы не будем плакать. А мы сейчас переоденемся. А у кого какашки на ножках засохли? А мы сейчас помоемся. А где у нас ванна? *Андрей*, – это уже другим, нормальным тоном, – *дай чистое полотенце*. Ах, какая водичка тепленькая! Вот мы ножки помоем и спинку, и ручки! А где у дяди детское мыло?

– Нет у меня детского мыла!

– *Очень плохо!* А у дяди нет детского мыла. Поругаем дядю, поругаем! А мы помоемся шампунем. А мы будем чистые-чистые. А как мы улыбаемся? Вот молодец! Вот умница! И попochку помоем... *опрелостей нет, хорошо за ребенком ухаживали...* и писечку помоем, а теперь – животик, и спинку, и головку, и носик... закрывай глазки, котик! Вот молодец! *Даже*

в волосах какашки, надо же было умудриться! Держи полотенце, разворачивай, укутывай. А теперь мы вытремся. А теперь мы наденем чистенькое белье. Есть у него свежая одежда?

– Кажется, есть. В сумке, в комнате.

– А мы сейчас пойдем в комнату. А мы сейчас новый памперс возьмем. Мы не будем, как глупый дядя, задом наперед памперс надевать. *И стаскивать его через ноги только идиот может.* А как тебя зовут, солнышко? Как зовут котика?

– Его зовут Петька.

– Петечка маленький, Петечка хороший мальчик. *Откуда дует, сифонит?*

– Форточка на кухне открыта.

– *Немедленно закрой! Ребенка просквозит!* А вот какие у нас хорошенькие ползунки. А сюда мы ручку, а сюда – другую. А теперь ножки. Ножки-ножки побежали по дорожке... А где у нас шапочка? А нам надо головку после купания закрыть. *Ну что ты стоишь? Ищи в сумке шапочку. Нет, это шерстяная, уличная. Годится, давай сюда.* А какие мы стали красивые в шапочке! А мы теперь на девочку похожи...

Объективно Ольгино сюсюканье представляло собой общение с недоразвитым существом и одновременно содержало в себе беспрекословно командные интонации. И Андрей, точно ординарец при офицере, послушно выполнял все распоряжения. Женщины знают, как обращаться с детьми, иногда мы даже готовы (только снимите с нас ответственность за хрупкого младенца!) побыть у вас на побегушках.

Он мчался за полотенцем, открывал бутылочку с шампунем, стаскивал с тахты грязное белье, закрывал форточку, ковырялся в «дедушкиной» сумке, выбрасывал первый вонючий памперс, переодевался в спортивный костюм, мыл руки. Словом, с готовностью испуганного адъютанта выполнял все команды маршала.

– Когда Петя последний раз ел? – спросила Ольга, тихо покачивая малыша. – Чем его кормят? Петеньке месяцев восемь-девять?

– Я знаю? Это важно, сколько ему лет?

– Не лет, а месяцев. Очень важно!

– Имеется свидетельство о рождении. Вот, читаю. Родился четвертого июля две тысячи пятого. Август, сентябрь... – загибал пальца Андрей. – Сейчас ему шесть с половиной месяцев.

– Крупный мальчик.

– И что дальше?

– Надо его покормить. Он не на грудном вскармливании?

– При всем желании грудь ему предоставить не могу.

– Значит, искусственник. Я своих до года кормила.

– Поздравляю. Чем питаются искусственники?

– Молочной смесью.

– Смесью молока с...? Да и нет у меня молока! Подожди, он оставил инструкцию... дедушка, чтоб он сдох! Нет, лучше бы жил долго и счастливо вместе со своим Петькой, подальше от меня.

В инструкции питание Петьки было расписано подробно, на целую страницу.

Молочную смесь, как выяснилось, требовалось давать каждые четыре часа. А еще подавай ему прикорм – яблочное, грушевое, банановое пюре, а еще овощное пюре, кроме тыквы, на которую диатез. «Тыква! Вот еще, – буркнул Андрей. – Да ее отродясь в моем доме не было!» В овощное пюре надо капнуть оливковое масло, через две недели подключить яичный желток и творог, но давать постепенно, не более десяти граммов за раз, проверить на аллергию...

– Разбежался! – в сердцах воскликнул Андрей. – Ольга! Здесь ни слова, как готовить молочную смесь!

– Дурачок! Она сухая, в коробке, вон торчит из сумки. Там же и бутылочки, наверное.

Петька снова разревелся, и даже Ольга не могла его успокоить. Андрей по схеме на коробке пытался приготовить питательный раствор. Порошок следовало засыпать в кипяченую воду, охлажденную до сорока градусов. Термометра у Андрея не нашлось, да и кипяченой воды тоже. Налил в чайник под завязку, бухнул на плиту, потом сообразил, что можно отлить, требуется ведь всего стакан. А как охладить? Закипело, чайник под струю холодной воды...

Плач Петьки нервировал, но уже не казалось, что пацаненок готовится помирать, ведь Ольга рядом...

В дедушкиной инструкции было написано: смесь давать через соску номер один, а соску номер три использовать для жидкой каши, которая после купания на ночь.

– Идите вы к лешему со своими номерными сосками! – сдался Андрей.

Забрал у Ольги орущего ребенка и предложил ей самой готовить молочную смесь.

Оля засыпала порошок в бутылочку, встряхивала, выбирала нужную соску и с удивлением смотрела на Андрея:

– Ты чего прыгаешь?

– Это... как... выяснено, – между скачками отвечал Андрей, – единственный... способ... успокоить... этого... маленького монстра.

– Иди ко мне, зайчик! – запричитала Ольга, протягивая руки к младенцу. – Иди ко мне, солнышко! А сейчас тетя даст ам-ам... *Вы, мужчины, поразительно тупыми бываете. Ребенок есть хочет, вот и плачет. Если бы тебя мучил голод, а кто-то принялся бы тебя трясти, понравилось бы?* Ах, как мы славно кушаем! А у нас отличный аппетит! *Верный признак здорового ребенка.*

– Мне бы еще больного подсунули, – буркнул Андрей.

Но и он не мог оторваться от вида лихорадочно насыщающегося младенца. Петька сосал активно, двумя руками держал бутылочку, изредка обиженно шмыгал носом. Точно говорил: я у вас давно есть просил, а вы меня, маленького, обижали.

Уложили его, как по команде заснувшего после обеда, на тахту, придвинули стулья, чтобы не уполз и не свалился, неожиданно проснувшись. Умело и ласково подоткнув ребенку одеяло под спинку и ноги, Ольга несколько минут постояла, убедилась, что Петька крепко спит, взяла брата за руку и вывела из комнаты.

– Теперь рассказывай, откуда ребенок взялся. Нет, сначала поедим. Утром из дому убежала в парикмахерскую, позавтракать не успела. Давай чаю попьем, что ли?

– Она не позавтракала! Да у меня праздник духа накрылся! Пошли на кухню, сейчас что-нибудь сообразим.

Вместо изысканного стейка и жареного картофеля (салат, правда, остался) пришлось довольствоваться сардельками. Ольга сварила их так, что не лопнули и не вывернули нутро, как обычно случалось у Андрея. Готовить полуфабрикаты и прочую снедь без фантазии у женщин получалось замечательно. Андрей с этим никогда не спорил.

Хотел рассказать сестре о свалившемся абсурде иронично и насмешливо, но выходило капризно и нервно, с повторами и пересказами утренних сцен и телефонного разговора. Получалось, что Андрей жалуется и ждет поддержки. Черта с два ее получил!

Ольга, опустив голову, молча ела, хмуро и сосредоточенно резала сардельку на кусочки, макала в лужицу кетчупа, отправляла в рот, жевала, глотала. Следующим заходом накалывала на вилку кусочек огурца или помидора, достопамятный салат на гарнир, жевала, глотала... Опять резала сардельку... Ни грана сочувствия или соболезнования брату, пусть и двоюродному.

Они знали друг друга с пеленок, обоих родители отправляли к бабушке на лето в бесарабский поселок Прибрежный. Лиман и море, зной и запах полыни, огород и сад, скотный двор, принадлежавший огромной свинье Зойке, и птичник, в котором царствовали гуси. Андрейка их боялся, но, подражая бесстрашной Ольге, стегал кнутом воздух, когда гнали вечером гусей домой. Все лето бегали босиком, и пятки дубели, кожа на них становилась похожа на наждак. Удобно чесать покусанные комарами загорелые ноги, на которых после почесывания оставались белесые полосы. В тринадцать лет Андрей в Прибрежном впервые попробовал самогонку. Сестра донесла бабушке. Андрейка был выпорот хворостиной. В отместку наябедничал: а Оля за клубом целовалась с Богданом. Сестру бабушка стегала широким солдатским ремнем, гораздо яростнее, чем Андрея. Потому что парень всяко, рано или поздно, станет пить, а если девушка рано начнет гулять, то удержу ей не будет, один сплошной позор. Однажды Ольга тонула в море, и Андрей ее спас, вытащил. Когда по его недосмотру погибли шестеро гусят, Ольга по-товарищески взяла часть вины, троихдохлых птиц, на себя.

Андрей и Ольга, единственные дети в своих семьях, были как родные: дрались, мирились, то выступали сплоченным дуэтом, то подножку друг другу ставили. Когда выросли и оба оказались в столице – Ольга замуж за москвича вышла, Андрей тут учился в институте, – искренне радовались: близкий человек под боком.

И вот теперь сестра, насупленная и нахороненная, мрачно жующая, демонстрировала, что не одобряет стремления брата как можно скорее избавиться от ребенка. Ольга почему-то сразу и безоговорочно поверила в факт отцовства Андрея. Слова не сказала, но Андрей хорошо сестру знал и видел – Ольга с тупой бабской упертостью будет отстаивать интересы ребенка. Как же! Петеньку, муси-пуси, ей жалко! Как бы ребеночек сиротинкой не оказался. А его, Андрея, кто пожалеет? Хотя Ольгино молчаливое противостояние вызывало раздражение, Андрей смиренно попросил:

– Оля, возьми пацана к себе, а? На время, пока я не разрулю ситуацию.

– Куда возьми? – подняла глаза. – Ты же знаешь наши условия.

Верно, жилищные условия у Ольги тяжелые: она сама, ее муж, двое детей, родители мужа и его сестра – и все в маленькой двухкомнатной квартирке.

– И потом, – добавила Ольга, – ребенок – очень большая ответственность.

– Вот именно! – подхватил Андрей. – Для меня эта ответственность совершенно непосильная.

– Но твой сын...

– Не мой! – перебил Андрей. – Заруби себе на носу: к ребенку я никакого отношения не имею! Экспертиза обязательно докажет. Жалко, выходные, а то бы немедленно сдал анализы. Слушай, а куда девают временно бесхозных детей?

– Каких?

– Вот, скажем, для собак или кошек, чьи хозяева уезжают в отпуск, есть специальные питомники. Называется – отдать на передержку.

– Отдать на передержку ребенка нельзя, нет таких *питомников*. – Последнее слово Ольга произнесла с возмущенной издевкой. – И в детский дом Петеньку не примут, потому что по документам ты его папа и никто тебя отцовства не лишал.

– Лишат! – заверил Андрей. – До суда дойду, но эту филькину грамоту, – потряс в воздухе свидетельством о рождении, – заставлю аннулировать. Оля, ты понимаешь, что я влип как кур в ошип? Что у меня большая проблема?

– Раньше надо было думать, – ответила Ольга, разливая по чашкам чай, – когда спал с кем попало. Тебе давно следовало жениться и содержать нормальную семью.

– На ком жениться? – передернулся от отвращения Андрей. – На матери Петьки? Да я бы скорее на кастрацию согласился! Кстати, у меня есть девушка, очень славная. И намерения по отношению к ней самые серьезные.

– Если она славная, то поможет тебе воспитывать ребенка.

– Что ты несешь? Зачем моей девушке чужой ребенок, если он мне самому как слону велосипед? Ольга! Ненавижу, когда у тебя такое лицо – тупое и упрямое. Петька, о котором ты час тому назад и не подозревала, дороже меня, брата?

– Ты взрослый и сильный мужчина, а Петенька слабый и беспомощный.

– И что дальше?

– Надо думать, как тебе помочь.

– Думай! Идея! Нет ли у тебя знакомых, которые желают завести ребенка?

– Не поняла.

– Бездетная семья, хотели бы усыновить, бюрократия, волокита и все такое. А мы им предлагаем здорового шестимесячного ребенка сейчас и сразу.

– Как тебе не стыдно! Подсовывать своего сына неизвестно кому!

– Если еще раз назовешь его моим сыном – выставлю тебя за дверь!

– Очень испугалась. Уйду, а что ты с ребенком будешь делать? По квартире прыгать?

– Погорячился, извини!

– На самом деле все просто. За ребенком нужен уход. Его может обеспечить няня. Ты в состоянии оплатить ее услуги?

– Почем нынче няни?

– У тех, кого присылает агентство, до ста рублей в час доходит. Но это для ожиревших новых русских, и с агентством лучше не связываться. Смотрел по телевизору передачу про то, как няни издеваются над детьми и обворовывают квартиры?

– Мои любимые передачи, – насмешливо заверил Андрей. Но сестра юмора не поняла, и он уточнил: – Ужастиков не любитель. Давай отыщем няню, которая заберет к себе Петьку?

– Так не бывает, – соврала Ольга. Полагала, что брату следует находиться рядом с малышом, чтобы привыкнуть к нему и полюбить. – Няни только приходящие, с ночевкой и без.

– Она будет у меня еще и спать? – вытаращил глаза Андрей.

– Дети часто просыпаются по ночам, плачут. А тебе надо выспаться, ты же не можешь бросить работу.

– Чего не могу, того не могу.

– У меня есть на примете одна женщина, очень надежная и ответственная, с невероятно тяжелой судьбой. У нее мама...

– Стоп! Не надо про судьбу. Эта женщина может приехать сегодня?

– Так быстро все не делается. Мне еще подход к ней надо найти, уговорить.

– Слышишь? Кажется, он проснулся, вякает. Что будем делать?

– Надо переодеть и дать прикорм.

Ольга поднялась и пошла из кухни. Андрей плелся следом и бурчал:

– Яблоки на пюре отказываюсь ему перетирать.

– И не надо. Сейчас продиктую тебе список, сходишь в магазин, купишь пюре в баночках, памперсы, детское мыло и детский крем, да много всего нужно.

Она вошла в комнату, склонилась над младенцем, и по лицу ее опять растеклась умильно-приторная гримаса. Засюсюкала, акая:

– А кто у нас проснулся? А кто у нас потягивается? Потягунушки-потягунушки, мы растем шалунушки. А кто у нас шалуношка? Петечка у нас шалуношка! А кто тете улыбнется? Вот, молодец! Вот как он улыбается! *Ты только посмотри, какой славный, чудный*

мальчик! А кто пойдет к тете на ручки? Ой-ты, ой-ты, какие мы большие и сильные. Повезло тебе, братик, малыши замечательный!

Андрей хотел сказать, что будь Петька хоть трижды замечательный, к нему отношения не имеет. Но промолчал. Лучше не дразнить гусей. В детстве обиженная Ольга могла раздразнить гусей (настоящих, бабушкиных), и они гонялись за Андреем.

В магазинах, покупая по Ольгиному списку продукты и средства детской гигиены, Андрей чувствовал себя дурак дураком. Потому что на него смотрели как на молодого отца! Одна тетка даже спросила:

– У вас мальчик или девочка?

– У меня крокодил! – огрызнулся Андрей.

Тетка обиженно и осуждающе скривилась, повернулась спиной. Так рождаются легенды о жестокости и хамстве молодежи. Андрей не был грубым хамом, но кого угодно выведет из себя ребенок, неожиданно свалившийся тебе на шею, чертовы памперсы, которые делятся по размерам и не все размеры представлены в продаже. А детское питание, пюре в баночках особой фирмы, на котором настаивала Ольга (остальные вызывают диатез), нашлось лишь в третьем магазине. Кто сказал, что исчез дефицит? Молодые мамы вроде Ольги создадут его искусственно, из вредности, чтобы заставить отцов бегать по магазинам. Счастье, что он, Андрей, бездетен и не женат.

И все-таки его сестренка была настоящим другом. Парикмахерскую пропустила, до позднего вечера руководила своим семейством по телефону. Заставила Андрея пройти школу начинающего отца – научила кормить и переодевать младенца, подмывать его после опорожнения кишечника, смазывать складочки детским кремом (на пухленьком тельце, на ручках и ножках была масса складочек-перетяжек). А главное – развеяла страх брать ребенка на руки. После купания и перед последним кормлением (жидкая каша, соска номер три) Андрею уже перестало казаться, что Петька в его руках погибнет или сам он, Андрей, в аффекте придушит карапуза.

Надев шубу, стоя в дверях, Ольга чмокнула брата в щеку:

– Все будет хорошо! В глубине души ты очень добрый и славный.

– Это очень глубокая глубина. Никому про нее не рассказывай. Мне бы ночь продержаться. А утром ты приедешь? – спросил он требовательно.

– Обязательно! Пока! До завтра!

Ночь прошла спокойно, хотя спал Андрей плохо, ни на секунду не забывая, что рядом мина замедленного действия. Петька проснулся только раз, в три часа, Андрей ему дал заранее приготовленную бутылочку с молочной смесью и соской номер один (у нее внизу мелко написано). Петька снова заснул, даже не вылакав до конца. Несколько тревог, когда Андрей вскакивал и бежал к ребенку, были ложными, малец спал на спине, смешно подняв согнутые в локтях ручки, точно по команде «Сдаюсь!». Умилительно, но сам Андрей сдаваться не собирался.

Глава 4

Авантюра для затворницы

Если бы Ольге досталась судьба Марии Ивановны Арсаковой, то Ольга предпочла бы вообще не появляться на свет. Ведь ради чего нам, женщинам, стоит жить? Чтобы познать любовь, восхищение тобой. Ради веселого безрассудного веселья, путешествий, знакомств и легких увлечений. Чтобы испытать сокрушительное счастье материнства и наблюдать, как растут чудеса из чудес – твои дети. Мария Ивановна, школьная подруга Ольгиной свекрови, всего этого была лишена.

Над семьей Арсаковых тяготело проклятие. Впервые, у них на свет появлялись исключительно девочки, а мужья не приживались, уносились в неизвестном направлении. Мария Ивановна и вовсе замуж не выходила, не успела. Во-вторых, женщинам Арсаковым было уготовано, как под копирку, последние двадцать с лишним лет провести, не вставая с постели, тяжело парализованными после инсультов. За прабабушкой ухаживали мама и бабушка (Мария Ивановна была девчонкой), за бабушкой – мама и подросток Мария. Когда ей исполнилось восемнадцать, захворала мама, на руках у Маши оказалось двое тяжело-больных, родных и любимых.

Мария Ивановна ни дня не работала вне дома, хотя трудилась от зари до зари, нигде, кроме средней школы, не училась. Жила на пенсии мамы и бабушки сверхэкономно, почти нищенски. Носила платья, которые отдавала Ольгина свекровь и другие школьные подруги. Фрукты или деликатесы, вроде сыра, хорошей колбасы, шоколадных конфет или пирожных, тоже видела, если принесут участливые подруги. Они же отдавали вещи, которые в противном случае оказались бы на помойке – старые телевизор, диван, холодильник и другая мебель-утварь.

От подобного мрака безысходности, по мнению Ольги, можно было сойти с ума или повеситься. Но Мария Ивановна считала свою жизнь нормальной и естественной. Так на роду написано. Терзаться и сокрушаться – значит упрекать, обижать единственно родных людей, ведь и они в свое время несли такой же крест. Другое дело, что после Маши никого нет, некому будет за ней горшки выносить, менять белье по три раза на день, бороться с пролежнями, кормить с ложечки, давать лекарство по времени, терпеть капризы, разбирать невнятное бормотание, давно заменившее разумную речь. Против судьбы не восстанешь, придется последние дни в каком-нибудь приюте встретить. Маша была к этому готова, но решительно отказывалась сдать в интернат маму и даже бабушку, которая почти в растение превратилась.

Познакомившись с Марией Ивановной, Ольга поразились тому, каким запасом доброты, смирения, ласковой внимательности и участия обладает эта женщина. Качества, конечно, прекрасные. Но, представленные в большом количестве, наводят на мысль об умственной неполноценности. Монашенки группируются в монастырях, не живут среди нас, и слишком добрый человек выглядит глуповатым. Хотя Мария Ивановна вовсе не глупа. Отсутствие образования незаметно за правильной литературной речью, книжек прочитано множество, окна в мир – радио и невыключаемый телевизор – позволили не оторваться от культурных корней и текущих событий.

«Уникальная женщина, – думала Ольга, – такую бы душевную благодать да в мирных (читай – в личных) целях». И подруги, сами уже бабушки, опекают Марию Ивановну с трепетом и многолетней преданностью. Но эгоизм в их благотворительности легко просматривается. Если бы Мария Ивановна ныла, жаловалась на жизнь, плакалась и давила на сочувствие, рядом с ней давно бы никого не осталось. Очень приятно слушать про чужие страдания, своих под завязку! А так: пару-тройку раз в год заедешь к Маше, гостинцев при-

везешь, вещи ненужные отдашь, она благодарит, радуется, глаза светятся, и ты чувствуешь себя прекраснейшим из людей.

Марии Ивановне исполнилось сорок пять лет, когда умерла бабушка. Высохла, руки-ноги будто у паучка скрючились, разуму не осталось, а сердце работало как часы, стучало до девяноста двух лет. Через шесть лет не стало мамы. И Мария Ивановна, обрета свободу, впала в глубочайшую депрессию. Загубленная молодость, нескончаемая стирка вонючих простыней, нищета, замурованность в комнате с двумя больными старухами, годы сна на продавленной раскладушке – все перенесла, а тут сломалась. Радио и телевизор выключила, лежала целыми днями на диване, безучастная и равнодушная. Подруги забили тревогу, пытались Марию Ивановну вытащить в свет, ведь надо на что-то жить, идти работать. Например, гардеробщицей в библиотеку. Или вот еще хорошее место – билетершей в театр, образование не требуется и работа культурная – в строгом костюме продавать программки перед спектаклем, вокруг народ интеллигентный, артисты и режиссеры мелькают.

Но для Марии Ивановны любой трудовой коллектив был страшнее преисподней. Она вяло и грустно, но упорно отказывалась идти в мир. Чахла с каждым днем, точно намеревалась вовсе угаснуть, лежа на диване, отойти в мир иной следом за бабушками и мамой. Никакие уговоры не помогали, слушать слушала, а как доходило до призывов к действию, отрицательно мотала головой.

«Классический случай, – говорила Ольга, любительница статей на психологические темы, – когда человек не имеет собственных интересов, а только чужие. Еще можно понять, когда жена полностью растворяется в муже, в его заботах, проблемах, мечтах и планах (если он делает ручкой, уходит к другой женщине, то мир рушится). Но поставить в центр вселенной двух тяжело больных сумасшедших старух! Это уж слишком!»

Три месяца Мария Ивановна хандрит и тоскует, подруги отчаялись вытащить ее в нормальную активную жизнь. И только когда предложили: хочешь, найдем тебе работу по уходу за каким-нибудь больным человеком? – Мария Ивановна проявила слабый интерес.

Бросились на поиски, опрашивали знакомых, звонили по объявлениям. Сиделки требовались многим, но как назло попадались очень тяжелые больные. То мужик стокилограммовый, попробуй его поворачивать, то до крайности вздорная бывшая актриса (ее дети честно предупредили: «Мама у нас щиплется и плюется»), то вдобавок к уходу за тяжело больным человеком требовалось выгуливать двух собак и кормить трех кошек. Не отправлять же Машу в зверинец! Для нее мечтали найти покладистого инвалида, хорошо бы вдовца, хорошо бы такого, который оценит Машины замечательные качества, а там, глядишь, и личная жизнь устроится.

Но пока легко травмированный инвалид не находился, Ольга решила в помощь брату привлечь Марию Ивановну. К ней и отправилась в воскресенье утром, предварительно заручившись поддержкой свекрови. Андрей звонил каждые полчаса с глупыми вопросами и настойчивыми просьбами приезжать скорее.

Из маленькой однокомнатной квартирki еще не выветрился тяжелый лекарственно-туалетный дух. Ольгу слегка мутило – казалось, что запах тлена источают старые обои, ветхая мебель, потертое покрывало на диване и даже цветы в горшках на подоконнике. Задерживаться в этом скорбном доме не хотелось. Поэтому Ольга, сняв пальто и переобувшись в тапочки, задав дежурные вопросы о здоровье, вручив коробку конфет и отказавшись от чая, перешла к делу.

– Мария Ивановна! Спасайте! – молитвенно прижала Ольга руки к груди и выпучила глаза, стараясь придать лицу максимально просительный вид. – У нас такое! Такое!

– Что случилось? Заболел кто-нибудь?

Или в голосе Марии Ивановны промелькнула надежда, или Ольге послышалось.

– Хуже, то есть лучше. Слава богу, все здоровы. У моего двоюродного брата Андрея жуткие проблемы. От него ушла жена, бросила с маленьким ребенком. Представляете? Он в шоке. Родители Андрея живут далеко, помочь не могут. А бабушка и дедушка с той стороны, со стороны жены, в абсолютно критическом состоянии, лежат в больнице и вообще заявляют, что их хата с краю. Я разрываюсь на части. Старший сын температурит и младший засопливел, – Ольга забыла, что минуту назад все были здоровы, – у мужа скоро защита, надо диссертацию перепечатывать, свекру каждый день свежий суп подавай, вчерашний он есть не хочет – это строго между нами. Свекровь, ваша подруга, сами знаете, с утра до вечера на работе. Ей бы хоть в субботу и воскресенье отоспаться, потому что у нее давление, климакс и начальник-идиот всю неделю мотает нервы. Сестра мужа несчастно влюблена, в ванную не попасть, она там круглосуточно рыдает. С другой стороны, у нас всласть и поплакать негде. Я могу только вечером или в выходные вырваться к Андрею, помочь с ребенком. Мальчик, кстати, очень славненький, крупный, еще не сидит, но скоро встанет, так часто бывает. Брату завтра на работу. Куда ребенка деть? Катастрофа! Мария Ивановна, умоляю! Посидите с ребенком!

– Но, Оленька, детка, я совершенно не умею обращаться с младенцами и вообще с детьми.

– Ничего сложного в этом нет. Гораздо проще, чем ухаживать за парализованными старухашками...

Несуразное слово вырвалось, потому что, произнося «старухами», Ольга на ходу переделала их в «старушек». Посмотрела внимательно на Марию Ивановну: догадались ли та о подмене? Похоже, нет. На лице – явное борение между желанием помочь и неверием в свои возможности. Надо развивать успех. И Ольга произнесла второй пламенный монолог на ту же тему – про бедного братика и собственную тяжелую жизнь.

Точно подслушав ее, пришел на выручку Андрей, позвонил и суматошно прокричал:

– Петьку надо срочно к врачу! Его рвет!

– Что он рвет? – не поняла Оля.

– Дура! Рвет в смысле тошнит. Вылакал бутылку смеси, а теперь обратно все выдает. «Скорую» вызывать?

– Погоди. Много вырвало?

– Не мерил! Может, треть стакана или меньше.

– Это Петенька просто срыгнул. Наверное, после кормления ты забыл поддержать его вертикально. Положил на животик?

– Ну, ползал он по дивану...

– Один раз срыгнул?

– А сколько нужно?

– Братик, не волнуйся! Просто вместе с едой в желудок попал воздух, а потом выскочил вместе с молочком.

– Замечательно! Вчера он мне тут все загадил, а сегодня заблевал! Когда ты приедешь?

– Сейчас как раз у Марии Ивановны. Она согласилась тебя выручить. Ведь вы правда согласились? – спросила с извиняющейся улыбкой Марию Ивановну и, не дожидаясь ответа, проговорила в трубку: – Скоро будем, уже выезжаем, потерпи еще часок, быстрее не добраться.

– Хватай свою Мариванну и на такси быстро ко мне! Или я спущу это отродье в унитаз...

Ольга быстро нажала на отбой, чтобы Мария Ивановна не услышала последних фраз брата.

– Андрей уже сходит с ума. Поедемте, пожалуйста!

– Но я не могу!

– Почему? – в сердцах воскликнула Ольга.

– Честно говоря, боюсь ответственности... что не справлюсь, что нанесу ребенку вред, что...

«Какой пугливый народ пошел, – думала Ольга, пока Мария Ивановна на себя наговаривала. – И брат боится к ребенку подойти, и эта чудной доброты женщина страшится, будто ей ядерный чемоданчик вручают».

– Детей не надо бояться, – перебила Ольга, – их надо просто любить.

«В точку попала», – догадалась Ольга, увидав, как болезненно дернулось лицо Марии Ивановны. И дальнейшие слова это подтвердили.

– Я всегда очень любила детей, – тихо сказала Мария Ивановна. – Если не... если бы жизнь по-другому сложилась, я бы, наверное, пошла работать в детский сад или поступила в педагогический на учителя младших классов...

– Вот видите! Это же шанс осуществить мечту! И при этом помочь хорошим людям. Разве вам не жаль бедного кроху, брошенного на произвол судьбы?

– Не знаю...

– Вы только попробуйте. Если не сложится, не получится... что ж, будем искать другую няню.

– Иными словами, возможен испытательный срок? – с надеждой спросила Мария Ивановна.

– Конечно! Главное сейчас Андрюше плечо подставить, в смысле – за Петенькой присмотреть.

– Но я не умею...

– Научу!

– А что, если...

– Постоянно буду на связи.

– Оленька, я в жуткой растерянности...

– Мария Ивановна, одевайтесь, поехали! Пока мы тут с вами разговариваем (*Андрюха ребенка кому-нибудь подбросит в бешенстве*), там малыш рыдает, надрывается («*Сиську просит*»), – чуть не вырвалась у Ольги фразочка из популярной комедии «Ширли-мырли»).

– Хорошо, – наконец решила Мария Ивановна и поднялась, – я попробую.

Но уехали они только через полчаса. Потому что Мария Ивановна сочла необходимым (перед встречей с ребенком!) совершить гигиенические процедуры – вымыться в душе и переодеться в чистое. Ольга от нетерпения только не приплясывала на месте. У нее в запасе оставался еще один неиспользованный козырь – звонок от свекрови, которая обещала уговаривать Марию Ивановну. Но как и другие подруги, Ольгина свекровь слабо верила в успех. По общему мнению, Мария Ивановна, посули ей хоть золотые горы, не сдвинется с места. А у Ольги получилось! О чем она гордо сообщила, позвонив домой. И удостоилась свекровиной похвалы: молодец, мы все перед тобой в долгу! «Запомним!» – широко улыбаясь, сказала себе Ольга.

– Я готова, – мужественно заявила Мария Ивановна, представ в строгом черном костюмчике (подарен подругами на этапе «билетерша в театре»).

– Но у вас волосы еще мокрые. На улице тридцатиградусный мороз, легко простудитесь. Просушите волосы феном.

– У меня нет фена.

Ольга мысленно чертыхнулась: в двадцать первом веке не иметь в доме фена! Задержимся еще на час – Андрей там с ума сойдет. А как раньше женщины выкручивались в подобной ситуации? Идея!

– Суйте голову в духовку!

– Что?

– Мне мама рассказывала, что прежде, когда требовалось быстро сделать прическу, накручивали бигуди и жарились у включенной духовки. У вас плита, надеюсь, работает?

Мария Ивановна безропотно пошла включать духовку, распустила волосы (чу́дные, кстати, отметила Ольга, если бы не уродливый старушечий пучок, а хорошая стрижка да покраска совсем другой бы вид был), сушилась под горячим потоком воздуха, стоя на коленях и опустив голову.

На улице они поймали такси, и пока ехали, Ольга стремилась развить успех – рассказывала о прекрасном мальчике Пете (не уточняла, что знает его несколько часов), о том, как легко и приятно будет Марии Ивановне с этим дивным ребенком (опустим упоминание о бесконечных проблемах, которые преподносят младенцы). Заодно поведала о своем брате, глубоко порядочном и отзывчивом человеке, у которого даже фамилия говорящая – Доброкладов, что означает – добро в нашем роду надежно спрятано, как клад!.. – Тут Ольга запнулась, почувствовав в своих словах некоторую двусмысленность.

Мария Ивановна слушала вполуха, смотрела в окно на скованные небывалым морозом улицы, волновалась, испытывая странное чувство вступления в авантюру. В прежнем ее бытии не имелось острых ощущений, связанных с происходящим за стенами квартиры. А теперь вдруг, неожиданно, буквально за час, произошли изменения. Поддавшись Оленькиному напору, куда-то едет, что-то обещала, с чем-то столкнется... Страх перед неведомым даже пьянил, у нее кружилась голова, и в мыслях вспыхивало пьяно-лихое: будь что будет!

«Похоже, я сошла с ума!» – сказал себе Мария Ивановна.

Глава 5

Здравствуйте, я ваша няня!

Андрей преувеличивал степень своей беспомощной истерики. Не совсем уж он недо-тепа, и с младенцем – не с атомным реактором управляться. Всего два раза и пережил панику. Первый раз, когда Петька (отлично ползает, и если пустить его по ковру, то шустро двигается, главное – сам себя занимает) схватил шнур лампы, потянул, и она грохнула ему точно на башку. Петька так разревелся, что Андрей струхнул – вдруг мальчишка проломил череп или осколки стекла в глаза попали? Ничего: взял на руки, попрыгали, Петька замолк, на макушке только красное пятнышко, даже синяка нет. Второй раз Андрей холодным потом покрылся, когда малец принялся исторгать содержимое желудка, только в него поступившее. Ольга успокоила – срыгивает. Они еще и срыгивают!

Сестра где-то валандалась, не приезжала, а у Андрея... Вот чего бы он решительно не хотел, так чтобы друзья прознали, как он этим утром справлял естественные нужды. Насмешек не оберешься. А куда деваться? Петьку одного не оставишь, опять ушибется или в рот что-нибудь затащит. У него какой-то оральный способ постижения мира – все доступные предметы норовит попробовать на вкус. У Андрея же мочевого пузыря не резиновый, крепился до последнего, а потом с Петькой на руках отправился в туалет.

– Рассматриваешь? – бурчал во время процесса Андрей (Петька действительно с интересом наблюдал). – Учись, пока я жив. Вот из таких событий состоит жизнь настоящего мужчины.

Но и «событие» более основательное не заставило себя ждать – большая нужда пришла через час. Андрей, проклиная все на свете, не в силах сдерживать бурление кишечника, со словами: «Для взрослого дяди памперс не предусмотрен!» – вынужден был снова идти в туалет.

Это кому рассказать! Это издевательство! И ни в одной комедии даже американцы, любители фекально-натуралистического юмора, не догадались высмеять подобную ситуацию. Сидит мужик на горшке, а в руках у него не книжка, не газетка, а полугодовалый ребенок...

Самое обидное, что только руки помыли, как Петька принялся зевать, а потом и уснул. На десять минут раньше отрубиться не мог! И еще конструктивная идея – надо было на время уединения Петьку в ванну положить. Он бы там ползал и орал, но не поранился. Хорошая мысль, как известно, приходит опосля. Построив дом, находим двадцать упущенных и неисправимых ошибок – это Андрей как специалист знал.

Устроив малыша на диване, обложив подушками, – так Ольга учила, чтобы не уполз, не упал, если неожиданно проснется, – Андрей минуту стоял рядом, смотрел на спящего Петьку. Малыш опять лежал в позе «руки вверх». Не признак ли это трусливой натуры? «Надо сестру спросить», – озабочился Андрей и поймал себя на том... Нет, речи быть не может, что он, Андрей, принимает как сына этого карапуза, что готов его пестовать, лелеять, ходить с ним в туалет и прыгать по квартире! Дудки! Просто вид спящего ребенка может смягчить даже каменное сердце. Или вот у животных: если чужого подкидыша не съели в первые минуты, то будут воспитывать как своего. «Я Петьку не съел, не выкинул, не под-сунул под дверь соседям... значит? Стоп! Ничего это не значит! “Ничего” – это трусливый всплеск. Что-то да значит мое умильное щекотание в груди. Сформулируй! Пожалуйста: я готов вместе с Маринкой произвести на свет такого же хулигана и буду по мере сил и возможностей (что значит – периодически, а не постоянно) оказывать помощь в его возвращении».

– Однако ты меня разбередил! – шепотом сказал Андрей и погрозил пальцем. – Из-за тебя стал мыслить как чумной папаша. Извини, приятель, но ты здесь временный гость. А у меня будут собственные дети – верный способ забросить свои гены в будущее и обеспечить бессмертие.

Итак, он готов к отцовству? Как к этой перспективе отнесется Марина? Обрадуется? С одной стороны, женская физиология отличается от мужской тем, что самочки запрограммированы на рождение потомства, а самцы предпочитают процесс зачатия. С другой стороны, Марина – девушка современная, и назвать ее самочкой никак нельзя. А кто в кордебалетной Лене мог предположить материнские порывы? Правда, порывы Лены носили исключительно меркантильный характер. Так утверждал дедушка, отец Лены. Девушки! С вами не соскучишься! Какого рожна вам надо? Кажется, старик Фрейд в конце врачебной карьеры честно признался: я так и не понял, чего они, тетки-женщины, хотят. У меня нет всей жизни на ваши ребусы! Извини, Маришка! Уже то, что я созрел идти под венец и терпеть смену памперсов у нашего наследника, для меня – маленький (огромный!) подвиг. Намекнуть Марине об этом по телефону? Лучше при встрече. И ни слова о Петьке. Как-нибудь рассосется Петька.

Женщина, которую привезла Ольга, была тусклой и бесцветной. Такая станет около стены, сольется с побелкой – не заметишь. Лет ей могло быть и двадцать, и шестьдесят, старенькая девочка или молоденькая бабушка. Одного роста с Ольгой, пышущей здоровьем, румяной с холода – контраст разительный. Впрочем, Андрею безразлично, как выглядит няня, пусть хоть по-циклопски одноглазая, лишь бы избавила от ребенка. Он только подумал: у теток, которые долго лежат в больнице или сидят в тюрьме, чьи лица не подвергаются облучению мужскими взглядами, наверно, такая же блеклая внешность. Рецидивистки ему не хватало, сопрет еще что-нибудь.

Ольга их познакомила, Мария Ивановна переобулась в тапочки, которые принесла с собой.

– А где же наш Петечка? – до приторности умильным голосом пропела сестра.

– Дрыхнет.

– Спит наша куколка. Сейчас мы его няне покажем.

– Где можно помыть руки? – тихо спросила Мария Ивановна.

Андрей махнул рукой в сторону ванной. За спиной Марии Ивановны Ольга жестикулировала и корчила рожи брату, как бы говоря: «Видишь, какая чистоплотная женщина, и одета строго, и вообще она – супер!» Ольга показала большой палец. «Мне плевать, – так же беззвучно ответил Андрей сестре. – А нянин костюмчик был бы вполне уместен на служительнице крематория».

Мария Ивановна тщательно мыла руки, оттягивая момент, которого страшилась до обморока. Она все еще не могла поверить, что решилась на авантюру, бросилась в неизвестность. Точно пребывала под гипнозом или во сне.

– Идемте же, идемте! – нетерпеливо потащила ее в комнату Оля.

Андрей поплелся следом. Вошли аккуратно в тот момент, когда Петька проснулся. Открыл глаза, дрыгнул руками-ногами, повертел головой и сладко, совершенно по-взрослому, потянулся. Ольга закудаhtала:

– Ах ты наш маленький! Ах ты наш славенький!

Склонилась, хотела взять малыша на руки, но передумала, разогнулась, обратилась к Марии Ивановне:

– Возьмите его, не бойтесь!

«Чего бояться?» – мысленно удивился Андрей, который еще сутки назад опасался ненароком сломать младенцу хребет. Но теперь точно знал – дети вполне упругие и мускулистые существа.

Загипнотизированная Мария Ивановна подчинилась команде, взяла малыша. И сразу ловко – попой малыш уселся на ее согнутую руку, другой Мария Ивановна поддерживала Петьку за спинку. Их лица оказались одно против другого, Петька изучал няню. Ольга замерла. На собственном опыте не раз убеждалась: бывает, что маленькие дети после трех секунд рассматривания незнакомого человека заходятся в плаче – не понравились им дядя или тетя, уберите, уведите, не хочу его. Особенно досадно, когда истерика младенческой ненависти обрушивается на врача или близкого родственника. Старший сын Ольги долго терпеть не мог дедушку, Ольгиного свекра. Хотя в этом конкретном случае мальчика можно было понять.

Петька не разревелся, произнес что-то среднее между «дю-дю» и «вю-вю», двумя ладошками шлепнул няню по щекам. Ольга облегченно перевела дух. А Петька тюкнулся головой Марии Ивановне в лицо, беззубым слюнявым ртом захватил ее подбородок...

Андрей уже знал, что мальчишка все пробует на вкус, теперь ему взбрело испробовать чужое лицо.

Но Мария Ивановна этого не знала! Ребенок ее поцеловал! Только увидел и поцеловал! Как родную! Она пережила бурю эмоций. Словно разом смыло с нее давнюю тоску и печаль, горе, отчаяние и безысходное ощущение собственной бесполезности. Несколько секунд внутри была пустота, чистая и новая, а потом хлынула благодать – ворвалась и затопила до горла, которое стиснулось в болезненно-приятной судороге.

Мария Ивановна не замечала, что плачет. И боли не чувствовала – Петька уже забрался ей в голову, стиснул волосы в кулачок и отчаянно драл...

– Пойдем, – шепотом позвала Ольга брата, взяла его за руку и потянула к двери, – пусть они тут знакомятся.

В другой комнате между сестрой и братом состоялся торопливый и бурный диалог, хотя и на пониженных тонах, чтобы няня не услышала.

– Чего она плачет? – возмутился Андрей.

– От полноты ощущений.

– Бред. Она срок мотала?

– Что делала?

– В тюрьме сидела?

– Хуже! У Марии Ивановны абсолютно трагическая судьба. Сначала парализовало ее прабабушку...

– погоди! – Андрей не собирался выслушивать историю семьи Марии Ивановны до седьмого колена. – Может она забрать Петьку к себе? Я сейчас бы их отвез.

– Не может! – отрезала Ольга. – Квартира Марии Ивановны не приспособлена для ребенка. Там запах!

– При чем здесь запах? Пусть у нее хоть козлами воняет! Уберите от меня мальчика!

– Ой! – пропустив мимо ушей требование брата, всплеснула руками Ольга. – Я забыла договориться с Марией Ивановной в отношении ночевки. Она и ночнушку не взяла, и туалетные принадлежности. Хотя последние в ее обиходе самые минимальные.

– Опять ты про «ночевки»? Посторонние тетки в моей квартире спать не будут! К твоему сведению, я привык ходить по СВОЕЙ квартире в трусах и менять привычки не собираюсь!

– Андрюша! – вздохнула Ольга. И менторским тоном, которым разговаривала со своими неразумными детьми, продолжила: – Ты сегодня сколько раз вставал к Петеньке? Три

раза, не меньше? Тебе же перед работой надо выспаться. А если его газики будут мучить, или зубки начнут резаться, или перемена погоды, то вся ночь превратится в сплошной...

– Оля! Давай раз и навсегда договоримся! Этот ребенок у меня временно. Не собираюсь из-за него ломать свою жизнь и не спать ночами. Завтра... в крайнем случае послезавтра сдаю анализ и...

– И? Вот предположим, что анализ подтвердит твое неотцовство. Кстати, я в этом сомневаюсь и думаю, что анализ ДНК не быстро делается, на несколько недель затянется. И все-таки. Пусть ты не отец. Что дальше?

– Как «что»? Отдаю Петьку.

– Кому?

– Государству!

– Формулировка расплывчата. В Думу понесешь, что ли? Или в Кремль?

– Не может быть, чтобы законом не были предусмотрены подобные случаи.

– Но пока суд да дело, ты должен сосуществовать с ребенком.

Андрею нечего было ответить, только развел руками.

– Кстати, не вздумай говорить Марии Ивановне, что Петька не твой сын!

– Это еще почему?

– Потому что я смогла ее уломать, только обрисовав картину твоего внезапного несчастья: жена бросила с ребенком...

– У меня нет жены!

– Не заикайся об этом, если не хочешь сам сидеть с Петенькой!

– Шантаж!

– Временный. Убеждена, что, привыкнув к Пете, Мария Ивановна ни за что его не бросит. Все нормальные люди привязываются к маленьким детям.

– Значит, я ненормальный.

Ольга недоверчиво хмыкнула и принялась перечислять необходимое для ребенка оборудование.

– Во-первых, кровать.

– Согласен, хватит ему диван занимать.

– Во-вторых, манежик.

– Что это? Что-то вроде загона? Ладно, слово «загон» радует мой слух, пусть будет манежик.

– В-третьих, прогулочная коляска...

– Куда «прогулочная»? На улице тридцать градусов, обойдется без прогулок.

– А потом?

– Потом Петьки здесь не будет.

Проигнорировав последнее замечание брата, Ольга перечислила еще кучу вещей и приспособлений...

– Мне кажется, тебе нет смысла их покупать, – подытожила Ольга.

– Наконец-то наши мнения совпадают!

– Ведь где-то, у бабушки с дедушкой, – Ольга взяла противную манеру пропускать мимо ушей сарказм брата, – Петенька раньше жил. Следовательно, все это у них есть. Надо попросить.

Предчувствие настойчиво подсказывало Андрею: если Петька обоснуется тут вместе со своим барахлом, то выставить его будет значительно сложнее. Но бессонная ночь, обкладывание ребенка подушками и самое позорное – хождение с ним в туалет диктовали желание избавиться от неудобства.

Андрей сомневался, раздумывал, но тут, как по заказу, проявился дедушка, позвонил, так и представился:

– Это я, дедушка Семен Алексеевич. Из больницы вырвался, бульон куриный жене сварить, может попьет. Аппетита у Танюшки совсем нет. И за Петруху переживает. Как он?

– Нормально. Срыгивает.

– Случается, если после кормления на живот положить.

– Это я усвоил.

– Андрияха! Не держи на нас зла! Мы ведь не сволочи, просто обстоятельства невозможные.

«Кроватька! И манеж, и коляска!» – громким шепотом напоминала брату Ольга.

– Так, дедушка Семен Алексеевич, – сдался Андрей. – У вас имеется Петькина кроватька, загон, в смысле манеж, и... ладно, ладно, заткнись, это я не вам... и коляска?

– Конечно, есть. Тут приданого вагон, все я допереть не мог. Приедешь, заберешь?

– Диктуйте, как проехать.

Ольге очень нравилась роль командирши-наставника. Мария Ивановна внимала науке ухаживания за младенцем с благоговейным трепетом. Брат хоть и скулами играл, но поехал за мебелью и вещами для Петеньки. Уже в дверях Оля напомнила ему, что надо купить продукты, ведь няня питаться должна. Ольга предпочла не услышать, куда брат послал ее вместе с няней.

У Марии Ивановны слегка болело лицо. Сводит непривычные к постоянной улыбке мышцы, поняла она. Когда-то давно, ей было лет двадцать или тридцать, происходило подобное, но с обратным знаком. Просыпалась утром, и болели все до одного зубы, верхняя и нижняя челюсть... Потому что ночью, во сне, прорывалось запертое отчаяние, и она что было сил стискивала зубы...

Коломийцевы жили у черта на задворках, в конце московской географии. Про подобный район однажды кто-то сказал Андрею: туда высылали детей за непочтение к родителям. Лезет в голову тематически вредная ерунда! Хорошо, что машина завелась и на улице свободно. В такие холода многие на приколе. Зима две тысячи шестого запомнится, тридцать лет не было морозов, когда столбик градусника ниже тридцати падает. Радио сообщает: на Кубани в садах вымерзли все косточковые – сливы, вишни, черешни. Мама, когда звонит, не жалуется. Вдруг у них отопление лопнуло? Не заикнется о своих проблемах, копейки не попросит. Кто бы мог подумать, что у него с мамой установятся холодно-отстраненные отношения? Он не может ей простить, что после смерти отца вышла за брюхатого полковника-отставника, а она не в силах проглотить обиду – сын меня не понимает. Но внешне все благопристойно – периодические телефонные разговоры, вежливое общение, дежурные вопросы и ответы. Если бы он сообщил маме, что на него свалился фиктивно собственный ребенок, как бы она отреагировала? Наверняка – примчалась, суетилась, хлопотала. И как бы отрабатывала свою вину перед памятью отца. Смотри, сыночек, я по-прежнему добрая и хорошая. Или он все придумывает про мамину корысть? Неважно. Кого бы он, не задумываясь ни секунды, попросил о помощи – это бабушку, но ее давно нет. Бабушка, свирепого вспыльчивого нрава, бессарабских гремучих кровей, обладала сокрушительной, нерассуждающей добротой. Ольга похожа на бабушку. А мама, оставшись вдовой безутешной, не выйдя за пенсионера-полковника, стала бы как Мария Ивановна? Тоже не сахар.

Андрей собирался высказать все, что думает о сложившейся ситуации и о подлой семейке, подкинувшей ему ребенка, но заготовленные слова так и не были произнесены. Клеймить Семена Алексеевича не повернулся язык. Дедушка выглядел несчастным, раздавленным свалившимся на него горем. Постоянно твердил извинения, оправдывался и жаловался на судьбу, отнимающую у него жену, с которой душа в душу прожили тридцать лет. Заявить ему: плевал я на ваши проблемы и чтоб завтра у меня ребенка не было – обозначало пнуть человека, стоящего на коленях.

Андрей только возмущался, когда собиравший Петькины вещи дедушка норовил выгрести все подчистую и упаковать в двадцать мешков.

– Куда вы столько игрушек толкаете? – Сам-то он был уверен, что хватило бы и трех погремушек, ведь не месяц же Петька у него прогостит.

– Вот еще только барабан, Петькин любимый, развивающая игрушка.

Семен Алексеевич ударил в барабанчик, по пластиковой поверхности побежали огоньки и заиграла примитивная музыка, вроде чирика-пырика.

– И что оно развивает?

– Леший его знает, – ответил дедушка и затолкал барабан в переполненный пакет.

– Вообще-то я приехал за кроватью.

– Разбери ее, там крепления на болтах, а я манежик упакую. И это... извини, но Петькина одежонка вся грязная. Не успевал я стирать, когда бабушка заболела.

Машина Андрея оказалась забита – и багажник, и заднее сиденье. Грязное детское белье везет – чудно! Жизнь удалась, то есть летит в тар-тарары. Андрей ощущал себя человеком, попавшим в ловушку, который безошибочно знает, что совершает ошибку, но не способен изменить обстоятельства. Раздражения добавлял периодически включавшийся барабан. Во время торможения на сумку с игрушками что-то падало, и барабан отзывался идиотской музыкой.

Глава 6

Захват площадей

Мария Ивановна и Ольга ушли в девять вечера, после купания и кормления Петьки. Еще раньше они перестирали детское белье. Стиснув зубы, Андрей собрал кровать и манеж. Квартирант, маленькое неразумное существо, легко оккупировал всю площадь. Коридор загромождала его коляска, манеж не поместился в спальне, пришлось устанавливать его в гостиной, ванна была завешана пеленками, распашонками и ползунками, на кухне микроволновую печь и кофеварку отправили на подоконник, чтобы освободить на столе место для бутылочек, коробочек, баночек и прочей ерунды. В собственном доме Андрей перестал быть хозяином. Здесь распоряжались тетки, добровольно давшие обет поклонения маленькому божеству. Ольга требовала от Андрея то одного, то другого – мебель передвинь, в холодильнике полку освободи, окна заклей – Петеньке дует. Андрею все это настолько надоело, что он перестал огрызаться. Чего вам еще надо? На пузе сплясать не требуется? «Нет, – ехидно отвечала сестра, – плясать не надо, поддержи ребенка, пока я сделаю влажную уборку, а Мария Ивановна отутюжит пеленки...» Но вторая бессонная ночь убедила Андрея, что сестра была права – няня должна находиться здесь круглосуточно. Несколько раз Андрей вскакивал и мчался к ребенку, и только один раз был неложным – Петька поел, с закрытыми глазами, шельмец, вылакал молочную смесь и продолжил спать. А в полшестого утра снова потребовал еды и уже ни в какую не хотел засыпать. Гукал, мукал, ползал в кроватке, бился головой о прутья и вопил. Пришлось отнести его в манеж. Тактической ошибкой было высыпать перед Петькой все игрушки – он быстро потерял к ним интерес, рвался на волю, хныкал и блажил. Андрей выгреб все обратно и оставил лишь «развивающий» барабан. Петька узнал любимую забаву и колотил минут десять, пока Андрей дремал в кресле рядом под тренькающего чижики-пыжика. Последующие выданные по одной игрушки: фиолетовый резиновый заяц, гроздь непонятных пластмассовых фигур на кольце, тряпочные как бы жираф и вроде крокодил – занимали Петьку не более чем по минуте каждая.

– Чего ты хочешь? – с трудом разлепляя глаза, спросил Андрей. – На ручки? Ну, иди на ручки. Замолк? И дальше? Давай гулять, что ли. Куда ты тянешься? Это нельзя! Нельзя тащить в рот пульт от телевизора. Он невкусный и с микробами. Будет швах, или, по-твоему, бо-бо. Черт, я уже заговорил как придурочный. Не вертись! Крутится и крутится, будто... живой. Петька, нам еще два часа продержаться, а потом няня приедет.

«А вдруг не приедет? – похолодел Андрей. – Передумала, обстоятельства изменились, про оплату я с ней забыл поговорить, условия не понравились, конкурирующий младенец объявился...»

Он посадил Петьку в манеж, дал телевизионный пульт, мысленно послав к черту микробов, и бросился звонить Ольге.

– Ты точно знаешь, что Мариванна приедет? Она поклялась?

Ответом было протяжное зевание сестры, сквозь которое можно было услышать положительное – угу!

– Продиктуй мне телефон Мариванны.

– Андрей, такая рань! Взбрело тебе...

– Это у тебя рань, а у меня беспросветный мрак!

Петя умудрился надавить на нужную кнопку, и экран телевизора ожил, громко бухнула музыка.

– Что за звуки? – спросила Ольга.

– Не обращай внимания, Петька телевизор включил.

– Сам?

– Оля! Телефон!

– Сейчас найду. – И опять сладко зевнула.

Мария Ивановна ответила быстро, сказала, что уже собирается, как и договаривались, в восемь будет у него, у Андрея.

– Мы с вами не обговорили зарплату.

– Это не к спеху, Андрей.

– Видите ли, я бы хотел вас попросить с ночевкой. В смысле – ночевать рядом с Петькой, потому что... – *(Еще одна такая ночька – и я его придушу.)* – Потому что мне на работу, и вообще.

Мария Ивановна молчала, Андрей напрягся и предложил:

– За ночную смену двойной тариф.

– Дело не в деньгах, мне бы не хотелось вас стеснять.

– Более, чем стеснил меня этот... – *(ревун, оглоед, монстр, зараза)* – этот мальчик, стеснить невозможно.

– Хорошо, если вы просите...

– Убедительно прошу! Не забудьте взять личные вещи. До встречи! Ждем вас! Вы на метро поедете? Лучше на такси, я оплачу.

– Извините, Андрей, но я не умею пользоваться такси.

– А чего тут уметь? Ладно, на метро, только не задерживайтесь. Я без вас... в смысле – Петя без вас скучает.

Мария Ивановна приехала раньше оговоренных восьми часов. Андрей вручил ей ребенка и рванул в ванную, принимать душ и бриться. Скорее из дома – вон.

На работе он выпил пять чашек кофе, но все равно зевал каждые пять минут. После сытного обеда, который им в офис привозили из ресторана, в сон потянуло совершенно безудержно. Заявился в кабинет Гены Панина, друга и начальника, попросился вздремнуть часок на диване.

– Перебрал вчера? – понятиливо ухмыльнулся Гена.

«Если бы!» – хотел ответить Андрей. Но посвящать друзей в свои идиотские проблемы, способные обернуться многолетними подтруниваниями, было бы неразумно.

– Вроде того, – кивнул Андрей. – Дай поспать!

– Я тоже отрываюсь, когда жена уедет.

– Нет у меня жены! – излишне резко воспротивился Андрей.

– Пусть девушка, я Марину имел в виду.

Андрей ослабил узел галстука, снял пиджак, завалился на диван и пробормотал что-то вроде: жены, девушки, мамы, няни – пусть провалятся, отдыхают, то есть отдыхать буду я, заслужил.

Ощущение негаданной благодати, почти счастья, не покидало Марию Ивановну. Хотя примешивалось и чувство неловкости – чужая трагедия обернулось для нее удачей. А трагедия, судя по всему, случилась нешуточная. Как могла мать бросить своего ребенка? Да еще такого необыкновенного, умного, веселого, энергичного? Развод плохо повлиял на Андрея, отрицательное отношение к жене он, похоже, переносит и на сына. Никак не демонстрирует свою любовь к Петеньке, а подчас смотрит на него с нескрываемым раздражением. Но не исключено, все мужчины так ведут себя по отношению к детям. И выражение досады на лице – норма? Мария Ивановна никогда не наблюдала представителей сильного пола в быту, не знала их повадок. Мужчины для нее – совершенно загадочные и непредсказуемые существа, способные на самые удивительные реакции и поступки. Например, тяжелая стальная дверь со множеством замков – не свидетельствует ли она о подозрительности Андрея и паническом страхе быть ограбленным? И юмор у Петенькиного папы настолько своеобразный, что

находится за гранью ее понимания. Разве остроумно назвать малыша желудочно-кишечным деспотом?

Ухаживать за маленьким физически легко и эмоционально приятно. Точно идти по солнечной дороге вверх – к находкам, свершениям и открытиям. А забота о тяжелобольных старушках была путем вниз – во мрак, в пустоту, в небытие, в могилу.

Весть о том, что Мария Ивановна нашла работу няни, взбудоражила ее подруг. Они активно перезванивались, строили планы консультативной и материальной помощи. Брошенный матерью ребенок представлялся им голым нищим дистрофиком. Звонили Маше с вопросами: что привезти? Ее отказы во внимание не принимались. Что Маша понимает в детях, которые растут стремительно, размер одежды меняется каждый месяц! Единственное, о чем попросила Маша, – достать ей литературу по воспитанию детей до года. Не покупать специально книги, но вдруг у кого есть уже отработанные.

И одежда для малыша, и книги нашлись у одной из подруг, бабушки годовалого внука. Она была делегирована общественностью к Маше, по дороге купила фрукты.

Андрей, возвращавшийся с работы, столкнулся с незнакомой женщиной у собственного порога. Груженная авоськами, из которых торчали бананы, тетка собиралась звонить в его дверь.

– Вы к кому? – спросил Андрей, вставляя ключ в замок.

– К Маше, к Марии Ивановне. А вы Петечкин папа?

Андрей пробурчал нечто неразборчивое.

– Я только на секунду. Передать Марии Ивановне методическую литературу, мальчику – одежду и игрушки. Можно хоть одним глазком на него взглянуть?

– Можно его упаковать, перевязать и забрать с собой!

– Что?

– Проходите. – Андрей открыл дверь.

Сюда повадятся любопытствующие доброхоты? Сейчас усядутся няня с подружкой на кухне, станут лясы точить и чай гонять. Его дом превратился в проходной двор!

Но Мария Ивановна недолго пошептала с визитершей в коридоре, и та ушла.

– Андрей, извините за это вторжение! – Мария Ивановна вошла на кухню.

– Да ладно, чего уж там.

– Вам на ужин я приготовила рыбу и картофельное пюре. Но не знаю, любите ли вы их.

– Мы не договаривались, что вы будете готовить.

– Простите, больше не повторится.

– Вы не поняли. Спасибо за ужин, я очень люблю рыбу и картошку! Просто неудобно вас обременять лишней работой.

– Петенька днем три раза спит, за это время я успею и квартиру убрать, и постирать, и еду приготовить. Но если можно, говорите мне меню заранее.

«Просто ангел! – внутренне хмыкнул Андрей. – Сейчас продемонстрирует мне свои крылышки как знак божественной доброты. Не верю в ангелов. А те, кто ими прикидывается, на самом деле оказываются прохиндеями. Точно украдет что-нибудь из квартиры. Сколько у меня наличности? Немало. Надо завтра деньги отнести на работу и положить в сейф».

– Мария Ивановна, давайте обговорим вашу зарплату. Сестра мне называла таксу – сто рублей в час. За ночную смену я обещал двойную плату. Получается: двенадцать часов по сто рублей, двенадцать по двести, итого – три тысячи шестьсот.

«Не криво! Больше ста долларов в день заколачивать! Выгодна нынче профессия няни. Я бы и сам не отказался от таких заработков. Одно утешение – долго это не продлится. Долго мне не потянуть».

– Три шестьсот в месяц? – уточнила Мария Ивановна.

«Дура, глухая или прикидывается? Если прикидывается, то с какой целью? Чтобы тут задержаться, а потом обчистить меня? Кроме денег, надо отнести в сейф документы на квартиру, машину, диплом и прочее. У меня уже тырили паспорт, и сейчас я расхлебываю последствия. Что еще ценного? Серебряный портсигар, золотые запонки, паркеровская ручка...»

– Мария Ивановна, я выразился совершенно определенно, и вы меня прекрасно слышали. Эта сумма – за сутки работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.